Технологический суверенитет и промышленная кооперация России и Китая в рамках инициативы «Один пояс — Один путь»

Савинов Алексей Леонидович
к.и.н., доцент, РУДН им. Патриса Лумумбы, savinov-al@rudn.ru,

Фадеев Юрий Евгеньевич
к.в.н., доцент, РУДН им. Патриса Лумумбы fadeev-yue@rudn.ru,

Купцов Максим Александрович
к.в.н., доцент, РУДН им. Патриса Лумумбы, kuptsov-ma@rudn.ru,

Чернов Александр Михайлович
к.псих.н., доцент, РУДН им. Патриса Лумумбы, chernov-am@rudn.ru,

Дранидис Анастасион
старший преподаватель, РУДН им. Патриса Лумумбы, dranidis-a@rudn.ru

В статье рассматривается вопрос о том, при каких условиях промышленная кооперация с Китайской Народной Республикой работает на укрепление технологического суверенитета России, а при каких воспроизводит зависимость в новой конфигурации. Исходной точкой служит нормативное содержание категории «технологический суверенитет», закреплённое в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и Концепции технологического развития на период до 2030 года: суверенитет трактуется не как автаркия, а как национальный контроль над собственными линиями разработки критических и сквозных технологий, прямо совместимый с международным научно-техническим сотрудничеством. Показано, что российское взаимодействие с инициативой «Один пояс — один путь» неверно описывать как участие в ней: оно выстроено через сопряжение строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути, непреференциальное Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР 2018 г. и сеть двусторонних отраслевых механизмов. На основе официальных документов и исследовательской литературы систематизированы семь направлений промышленной кооперации и для каждого оценены вклад в технологический суверенитет и сопутствующие ограничения. Выделены три группы рисков: структурная асимметрия торговых и инвестиционных потоков, ограниченность кооперации стадией поставки и сборки, расчётные и регуляторные издержки. Сформулированы условия конвертации кооперации в собственные компетенции: перенос центра тяжести с закупок на совместные исследования и разработки, институционализация стандартизации и охраны интеллектуальной собственности, кадровые программы и измеримые обязательства по локализации.

Ключевые слова: технологический суверенитет; промышленная кооперация; Россия; Китай; «Один пояс — один путь»; Евразийский экономический союз; сопряжение; критические технологии; локализация; технологическая зависимость.

Введение

После 2022 г. российская промышленная политика столкнулась с задачей, которую прежде удавалось откладывать: обеспечить воспроизводство критически важных технологий при закрытых каналах доступа к оборудованию, компонентам и инжиниринговым компетенциям. Ответом стало нормативное оформление технологического суверенитета как «способности государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности» [1]. Концепция технологического развития на период до 2030 года формулирует то же через категорию контроля: «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки», обеспечиваемое «в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами» [2]. Оговорка принципиальна: кооперация встроена в российскую доктрину как инструмент. Крупнейшим партнёром выступает Китай, и соотношение кооперации и суверенитета не устанавливается автоматически: двусторонние документы фиксируют широкую отраслевую повестку [3], тогда как исследования указывают на асимметрию потенциалов [4].

Для России участие в инициативе «Один пояс, один путь» перспективно, поскольку сам формат этого проекта позволит нам сохранять свободу маневра в российско-китайском сотрудничестве. До сих пор российский экспорт в Китай состоит в основном из сырьевых товаров. Для изменения ситуации требуется более активная промышленная политика со стороны российского государства.

Цель статьи — определить, при каких институциональных условиях промышленная кооперация России и Китая в контурах инициативы «Один пояс — один путь» и сопряжения с Евразийским экономическим союзом ведёт к наращиванию собственных технологических компетенций, а не к замене одной внешней зависимости другой. Ограничение исследования — неполнота открытой двусторонней статистики после 2022 г.

1. Технологический суверенитет: содержание категории и нормативная рамка

В международной литературе технологический суверенитет закрепился как самостоятельная рамка инновационной политики, потеснившая прежние обоснования государственного вмешательства, и уже там разводится с автаркией — как способность к самостоятельному выбору и контролю над его условиями [5].

Одно из первых определений концепции технологического суверенитета было предложено П. Грантом [20], который описал ее как «способность и свободу выбирать, создавать или приобретать, а также применять, развивать и использовать технологии в коммерческих целях, необходимые для промышленной инновации».

Российская традиция приходит к тому же различению через анализ модели хозяйства: суверенитет трактуется как устойчивое состояние экономической системы, при котором страна беспрепятственно использует современные технологии в критически важных сферах, что «не означает изоляцию или автаркию», а предполагает надёжные партнёрские связи с дружественными государствами [6]. Работающий критерий различия — обратимость: автаркия сокращает набор доступных решений, суверенитет его сохраняет, обеспечивая возможность заместить любой критический вход собственным решением в приемлемые сроки.

Носителями суверенитета выступают пять слоёв: критические и сквозные технологии, разграниченные Концепцией как отраслевые и как межотраслевые [2]; производственные цепочки, где мерой суверенитета служит глубина локализации, а не наличие конструкторской документации; стандарты, метрология и оценка соответствия, отказ от участия в которых означает принятие чужих правил вместе с чужой техникой; кадры и научно-техническая база, определяющие, воспроизводится технология или лишь эксплуатируется; цифровая и энергетическая инфраструктура, где зависимость проявляется в момент отказа в обслуживании. Нормативная эволюция обнаруживает смещение акцента: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 включает технологическое лидерство в число национальных целей развития [7], а Федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации» термина «технологический суверенитет» уже не использует, определяя лидерство как разработку отечественных технологий «с сохранением национального контроля над критическими и сквозными технологиями на основе собственных линий разработки технологий» [8]. Критерий из оборонительного становится конкурентным, а в правовую конструкцию встраивается и возможность трансграничной кооперации, и граница, отделяющая её от передачи компетенций вовне.

2. Инициатива «Один пояс — один путь» и формат российского взаимодействия

Программное оформление инициативы, выдвинутой КНР в 2013 г., дал документ «Перспективы и действия по совместному строительству

Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века» (март 2015 г.), подготовленный Государственным комитетом по развитию и реформам, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР с санкции Государственного совета; он формулирует пять приоритетов — координацию политики, взаимосвязанность инфраструктуры, беспрепятственную торговлю, финансовую интеграцию и гуманитарные связи [9]. Промышленно-технологическая кооперация подчинена в нём логике связности и торговли, трансфер технологий как самостоятельная задача не заявлен. Россия не подписывала меморандум о присоединении к инициативе по применяемой к странам-участницам модели и не выступает значимым получателем финансирования по её линии: российская позиция состоит в поддержке инициативы при выстраивании взаимодействия через собственный интеграционный контур [10], что делает некорректными оценки, исходящие из членства России в ней.

Правовым выражением такой позиции стало Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути от 8 мая 2015 г.: китайская сторона поддержала интеграционные процессы в рамках ЕАЭС и обязалась начать переговоры о торгово-экономическом соглашении с Союзом, а повестка сопряжения включила производственную кооперацию, индустриальные парки и трансграничные зоны экономического сотрудничества, логистическую взаимосвязанность, гармонизацию норм регулирования и расчёты в национальных валютах при упоминании зоны свободной торговли лишь как долгосрочной цели [11]. Подписанное 17 мая 2018 г. и вступившее в силу 25 октября 2019 г. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами и КНР непреференциально: оно не отменяет пошлины и не предполагает автоматического снижения нетарифных барьеров, охватывая транспарентность, меры торговой защиты, технические барьеры, таможенное сотрудничество, интеллектуальную собственность, конкуренцию, государственные закупки и электронную торговлю [12], то есть создаёт площадку регуляторного диалога, но не содержит обязательств в промышленно-технологической сфере; отсутствие продвижения к зоне свободной торговли исследователи связывают со структурными ограничениями, признавая конкуренцию и асимметрию под кооперативной поверхностью сопряжения [13]. Наполнение сопряжения формируется поэтому двусторонними механизмами: аналитическая записка Российского совета по международным делам и Китайской академии общественных наук предлагает встроить его задачи в национальные документы стратегического планирования, выделяя высокие технологии и трансфер технологий среди приоритетных отраслей [14], а Совместное заявление от 20 мая 2026 г. подтверждает намерение продолжать сопряжение в интересах «параллельного и скоординированного продвижения идеи формирования Большого Евразийского партнерства» [3], сохраняя прежнюю рамку без изменения её обязывающей силы.

3. Отраслевые направления кооперации и их технологическое содержание

Таблица 1 сопоставляет направления двусторонней промышленной повестки с вкладом в технологический суверенитет России, ограничениями и подтверждёнными формами взаимодействия, позволяя отделить направления, способные порождать собственные компетенции, от тех, где кооперация обеспечивает лишь бесперебойность поставок.

Таблица 1
Направления российско-китайской промышленной кооперации и их значение для технологического суверенитета России

Направление кооперации	Вклад в технологический суверенитет	Ограничения и риски	Подтверждённые механизмы и формы
Атомная энергетика и энергомашиностроение [3]	Загрузка отечественной инжиниринговой школы, экспорт технологий полного цикла	Зависимость от кооперационной базы партнёра; слабый переток компетенций	Тяньваньская АЭС и АЭС «Сюйдапу»; кооперация по термоядерному синтезу, быстрым реакторам, замкнутому топливному циклу
Транспортно-логистическая и пограничная инфраструктура [3; 11]	Трансграничный инжиниринг, концессионные модели, снижение логистических издержек	Обслуживает вывоз сырья и ввоз готовой продукции, закрепляя структуру торговли	Мост Благовещенск — Хэйхэ; пункт пропуска Большой Уссурийский — Хэйсяцзыдао; коридоры «Европа — Западный Китай», Россия — Монголия — Китай
Автомобиле- и судостроение, гражданская авиация [3; 15]	Локализация производств, доступ к компонентной базе	Сборочная модель без передачи конструкторских компетенций	Кооперация в автомобиле- и судостроении и авиапромышленности; взаимное признание автомобильных стандартов
Цифровая инфраструктура, ПО, искусственный интеллект [3]	Формирование собственных программных стеков на общей открытой базе	Перенос зависимости на другого поставщика; контроль над данными	Механизм сотрудничества в области ПО; взаимодействие по открытому исходному коду
Спутниковая навигация и космическая деятельность [3]	Поддержание собственной навигационной системы; дальний космос	Длительные горизонты отдачи; риск вспомогательной роли	Дорожная карта по спутниковой навигации на 2026–2030 гг.; взаимодополняемость ГЛОНАСС и «Бэйдоу»; лунная станция
Стандартизация, метрология, интеллектуальная собственность [3; 12]	Участие в формировании правил; защита результатов разработок	Отсутствие обязывающих механизмов; асимметричное заимствование решений	Обмен информацией по оценке соответствия; рабочая группа по метрологии; глава об ИС Соглашения ЕАЭС — КНР
Научно-техническое сотрудничество и подготовка кадров [3]	Воспроизводство собственных компетенций — прямой канал	Односторонняя мобильность кадров; утрата результатов при слабой правовой защите	Отбор совместных проектов и доступ к установкам «мегасайенс»; Российско-Китайский институт фундаментальных исследований

Источник: составлено автором на основе Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 20 мая 2026 г. [3], Совместного заявления о сопряжении строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути от 8 мая 2015 г. [11], Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР от 17 мая 2018 г. [12] и доклада «Российско-китайский диалог: модель 2024» [15].

Направления, где Россия выступает носителем технологии (атомная энергетика, отчасти космическая деятельность), устроены иначе, чем направления, где она выступает получателем (автомобилестроение, компонентная база, цифровое оборудование): в первом случае кооперация воспроизводит собственную школу, во втором даёт немедленный результат в виде доступности продукции, но компетенций не порождает; промежуточное положение занимают стандартизация, метрология и научно-техническое сотрудничество, где вклад определяется качеством организации процесса. Эмпирический фон задаёт структура торговли: товарооборот двух стран в 2025 г. составил, по данным Главного таможенного управления КНР, 228,1 млрд долл. США, сократившись на 6,9 % к уровню 2024 г. [16]. Само снижение, однако, менее показательно, чем структура обмена: российский экспорт остаётся преимущественно сырьевым, встречные поставки формируются машинами, оборудованием, электроникой и автокомпонентами, в силу чего доклад РСМД, Института Китая и современной Азии РАН и Института международных исследований Фуданьского университета характеризует рост как экстенсивный, отмечая недоразвитость инвестиционного сотрудничества [15].

4. Ограничения, риски и условия конвертации кооперации в суверенитет

Асимметрия российско-китайских связей вытекает из соотношения размеров экономик: на Китай приходится порядка трети внешней торговли России, тогда как на Россию — около пяти процентов внешней торговли Китая [4]; по импорту разрыв заметнее — доля китайской продукции в совокупном импорте России выросла с 23 % в 2021 г. до 57 % в 2024 г., в то время как значимость России как поставщика для КНР изменилась менее чем на один процентный пункт [17]. Следствием становится устойчивое неравенство переговорных позиций при обсуждении локализации, передачи документации и режима интеллектуальной собственности. Риски различаются по уровням. Первый — замещение зависимости: если импортозамещение понимается как замена поставщика, а не как построение собственной линии разработки, суверенитет в терминах Концепции не возникает, поскольку национальный контроль над воспроизводством технологии отсутствует независимо от происхождения компонента [2]. Второй — закрепление иерархии внутри самой кооперации: взаимодействие двух стран в высокотехнологичной сфере, защищая их суверенитет от внешнего давления, воспроизводит внутри себя иерархический порядок с возвышением Китая, вступая в противоречие с декларируемым принципом суверенитета в цифровой и технологической областях [18]. Третий — операционные ограничения: расчётно-платёжные затруднения из-за осторожности китайских финансовых институтов в отношении вторичных ограничений [15], несовместимость технических регламентов, различия в охране результатов интеллектуальной деятельности.

Несмотря на значительное увеличение темпов сотрудничества как согласно количественным показателям, так и качественному развитию проектов двух стран, на пути к укреплению двусторонних связей остаются значительные препятствия, продиктованные ухудшением ландшафта международных торгово-экономических отношений.

Осложняют сотрудничество, в первую очередь, трудности банковских переводов в условиях отключения российских банков от SWIFT. Несмотря на переход ряда российских банков на китайскую международную платёжную

систему UnionPay, транзакции все еще осложняются отсутствием возможности привязки российских карт к таким приложениям как Alipay и т.д.

Условия, при которых кооперация работает на суверенитет, различаются по уровню субъекта. На государственном уровне требуется перенос центра тяжести с закупок на совместную разработку: включение требований к передаче конструкторской документации, к глубине локализации по переделам и к размещению исследовательских функций в контур соглашений о промышленной кооперации и специальных инвестиционных контрактов, а также распространение критерия собственной линии разработки [8] на оценку совместных проектов; отдельная задача — продвижение промышленно-технологической повестки через механизмы ЕАЭС, что частично компенсирует асимметрию [14]. На уровне университетов и научных организаций необходим перевод сотрудничества из режима обменов в режим совместных программ с общей собственностью на результаты, на уровне институтов развития и межправительственных механизмов — переход к отраслевым дорожным картам с измеримыми показателями. Институциональная база существует: отбор совместных научных проектов и доступ к установкам класса «мегасайенс», российско-китайские исследовательские институты, межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству, рабочие группы по стандартизации и метрологии [3]. Незадействованным остаётся механизм проектного отбора, ориентированный на технологический результат, а не на объём поставок.

Заключение

Российская нормативная конструкция технологического суверенитета не тождественна автаркии: Стратегия научно-технологического развития и Концепция технологического развития до 2030 года определяют его через способность и национальный контроль над собственными линиями разработки, а Концепция прямо допускает опору на международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами [1; 2]; федеральный закон о технологической политике вводит экспортно-конкурентный критерий и допускает размещение элементов такой линии за рубежом при сохранении национального контроля [8]. Российское взаимодействие с инициативой «Один пояс — один путь» неверно описывать как участие в ней: оно институционализировано через сопряжение строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути [11], через непреференциальное Соглашение ЕАЭС — КНР 2018 г. [12] и через двусторонние отраслевые механизмы, тогда как многосторонний контур остаётся регуляторным.

Россия нуждается в скоординированном и взвешенном подходе к участию в китайской инициативе «Один пояс, один путь» для формирования равноправных возможностей, в том числе — административным путем. Для этого дополнительные возможности может обеспечить сильная координация позиций по данной инициативе и ее проектам между странами-партнерами по ЕАЭС и ШОС, стремление обеспечить реальную, а не декларируемую, взаимовыгодность, через поддерживающее законодательство, политику, правила и положения, надлежащую реализацию стратегии, прозрачную систему закупок, тщательный учет политических, финансовых, экологических и социальных факторов.

Главным ограничением выступает структурная асимметрия [4; 17], требующая институциональной компенсации — через многосторонний формат, измеримые обязательства в отраслевых соглашениях и приоритет совместных исследований и разработок над закупками. Критерием успешности кооперации следует считать не объём товарооборота и не число подписанных документов, а долю проектов, по итогам которых российская сторона получает воспроизводимую компетенцию: конструкторскую документацию, права на результаты интеллектуальной деятельности, подготовленный персонал и способность к разработке следующего поколения продукта.

Литература

1. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 // Президент России : официальный сайт. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 01.09.2026).
2. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Правительство России : официальный сайт. — URL: http://government.ru/docs/all/147621/ (дата обращения: 01.09.2026).
3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия и об углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества от 20 мая 2026 г. // Президент России : официальный сайт. — URL: http://kremlin.ru/supplement/6487 (дата обращения: 01.09.2026).
4. Баринова В. А., Земцов С. П., Леваков П. А. Россия и Китай: мотивы, возможности и риски научно-технологического сближения // Экономическая политика. — 2024. — Т. 19, № 3. — С. 118–153. — DOI 10.18288/1994-5124-2024-3-118-153.
5. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // Research Policy. — 2023. — Vol. 52, iss. 6. — Art. 104765. — DOI 10.1016/j.respol.2023.104765.
6. Афанасьев А. А. Технологический суверенитет: основные направления политики по его достижению в современной России // Вопросы инновационной экономики. — 2022. — Т. 12, № 4. — С. 2193–2212. — DOI 10.18334/vinec.12.4.116433.
7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 01.09.2026).
8. О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280025 (дата обращения: 01.09.2026).
9. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road / National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, Ministry of Commerce of the People's Republic of China. — March 2015. — URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2015zt/xjpcxbayzlt2015nnh/202406/t20240606_11381659.html (дата обращения: 01.09.2026).
10. Кулинцев Ю. В. Десятилетие китайской инициативы «Один пояс, один путь»: вызовы, достижения и перспективы // Российский совет по международным делам : официальный сайт. — 20 ноября 2023. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/desyatiletie-kitayskoy-initsiativy-odin-poyasa-odin-put-vyzovy-dostizheniya-i-perspektivy/ (дата обращения: 01.09.2026).
11. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г. // Президент России : официальный сайт. — URL: http://kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 01.09.2026).
12. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (Астана, 17 мая 2018 г.) // Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. — URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/china.php (дата обращения: 01.09.2026).
13. Zhang W. The Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union: why cooperation not confrontation? // Frontiers in Political Science. — 2025. — Vol. 7. — Art. 1721059. — DOI 10.3389/fpos.2025.1721059.
14. Петровский В. Е., Кулинцев Ю. В., Ларионова А. Н. [и др.]. Сопряжение ЕАЭС и ИПП: проблемы и перспективы. Дорожная карта сопряжения евразийской экономической интеграции и Инициативы пояса и пути : аналитическая записка № 29/2020. — Москва : Российский совет по международным делам, 2020. — 15 с. — URL: https://russiancouncil.ru/papers/EAEU-BRI-PolicyBrief29.pdf (дата обращения: 01.09.2026).
15. Российско-китайский диалог: модель 2024 : доклад № 94/2024 / К. В. Бабаев, В. Е. Данилов, Ю. В. Кулинцев [и др.] ; Российский совет по международным делам, Институт Китая и современной Азии РАН, Институт международных исследований Фуданьского университета. — Москва : НП РСМД, 2024. — 98 с. — ISBN 978-5-6051642-2-7. — URL: https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2024-Report94.pdf (дата обращения: 01.09.2026).
16. Объем торговли Китая и России в 2025 году сократился на 6,9 % // ТАСС : информационное агентство. — URL: https://tass.ru/ekonomika/26141131 (дата обращения: 01.09.2026).
17. Caruso A., Rühlig T. The dependence gap in Russia-China relations. — Paris : European Union Institute for Security Studies, 2025. — URL: https://www.iss.europa.eu/publications/analysis/dependence-gap-russia-china-relations (дата обращения: 01.09.2026).
18. Kolodii R. Rogue turned woke? China–Russia technology allyship // Journal of Global Security Studies. — 2026. — Vol. 11, iss. 1. — Art. ogaf036. — DOI 10.1093/jogss/ogaf036.
19. Рогатных Е. Б., Звезднов П. Д. Опыт Китая по поддержке развития высоких промышленных технологий // Российский внешнеэкономический вестник. — 2024. — № 8. — С. 34–48. — DOI 10.24412/2072-8042-2024-8-34-48.
20. Grant, P. Technological Sovereignty: Forgotten Factor in the “Hi-Tech” Razzamatazz / P. Grant // Prometheus. – 1983. – V ol. 1 (2). – P . 239–270. – DOI: https://doi.org/10.1080/08109028308628930

Technological sovereignty and Russia–china industrial cooperation within the belt and road initiative

Savinov A.L., Fadeev Yu.E., Kuptsov M.A., Chernov A.M., Dranidis A.
RUDN named after. Patrice Lumumba

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The article asks under what conditions industrial cooperation with the People's Republic of China strengthens Russia's technological sovereignty, and under what conditions it reproduces dependence in a new configuration. The analysis proceeds from the normative content of "technological sovereignty" as fixed in the Strategy for Scientific and

Technological Development of the Russian Federation and in the Concept of Technological Development for the Period until 2030: sovereignty is understood not as autarky but as national control over indigenous development lines for critical and cross-cutting technologies, explicitly compatible with international scientific and technical cooperation. Russia's engagement with the Belt and Road Initiative cannot be described as membership in it: it is organised through the alignment of the Eurasian Economic Union with the Silk Road Economic Belt, the non-preferential 2018 EAEU–China Agreement on Trade and Economic Cooperation, and a network of bilateral sectoral mechanisms. Seven areas of industrial cooperation are systematised, and for each the contribution to technological sovereignty and the accompanying constraints are assessed. Three groups of risks are identified: structural asymmetry of trade and investment flows, the confinement of cooperation to the supply-and-assembly stage, and payment-related and regulatory costs. The article formulates the conditions for converting cooperation into indigenous competences: shifting from procurement to joint research and development, institutionalising standardisation and intellectual property protection, personnel programmes, and measurable localisation commitments.

Keywords: technological sovereignty; industrial cooperation; Russia; China; Belt and Road Initiative; Eurasian Economic Union; alignment; critical technologies; localisation; technological dependence.

References

1. On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 145 of 28 February 2024. President of Russia, official website. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
2. On Approval of the Concept of Technological Development for the Period until 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 1315-r of 20 May 2023. Government of Russia, official website. Available at: http://government.ru/docs/all/147621/ (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
3. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Further Strengthening the Comprehensive Partnership and Strategic Interaction and on Deepening Relations of Good-Neighbourliness, Friendship and Cooperation of 20 May 2026. President of Russia, official website. Available at: http://kremlin.ru/supplement/6487 (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
4. Barinova V. A., Zemtsov S. P., Levakov P. A. Russia and China: Motives, Opportunities and Risks of Scientific and Technological Rapprochement. Ekonomicheskaya politika [Economic Policy], 2024, vol. 19, no. 3, pp. 118–153. DOI 10.18288/1994-5124-2024-3-118-153. (In Russ.)
5. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology Sovereignty as an Emerging Frame for Innovation Policy. Defining Rationales, Ends and Means. Research Policy, 2023, vol. 52, iss. 6, art. 104765. DOI 10.1016/j.respol.2023.104765.
6. Afanasyev A. A. Technological Sovereignty: Main Policy Directions for Achieving It in Contemporary Russia. Voprosy innovatsionnoi ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics], 2022, vol. 12, no. 4, pp. 2193–2212. DOI 10.18334/vinec.12.4.116433. (In Russ.)
7. On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period until 2030 and for the Future until 2036: Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of 7 May 2024. Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
8. On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 523-FZ of 28 December 2024. Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280025 (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
9. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, Ministry of Commerce of the People's Republic of China, March 2015. Available at: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/jj/2015zt/xjpcxbayzlt2015nnh/202406/t20240606_11381659.html (accessed 01.09.2026).
10. Kulintsev Yu. V. A Decade of China's Belt and Road Initiative: Challenges, Achievements and Prospects. Russian International Affairs Council, official website, 20 November 2023. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/desyatiletie-kitayskoy-initsiativy-odin-poyasa-odin-put-vyzovy-dostizheniya-i-perspektivy/ (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
11. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in Aligning the Development of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt of 8 May 2015. President of Russia, official website. Available at: http://kremlin.ru/supplement/4971 (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
12. Agreement on Trade and Economic Cooperation between the Eurasian Economic Union and Its Member States, of the One Part, and the People's Republic of China, of the Other Part (Astana, 17 May 2018). Eurasian Economic Commission, official website. Available at: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/china.php (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
13. Zhang W. The Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union: Why Cooperation Not Confrontation? Frontiers in Political Science, 2025, vol. 7, art. 1721059. DOI 10.3389/fpos.2025.1721059.
14. Petrovsky V. E., Kulintsev Yu. V., Larionova A. N. et al. Alignment of the EAEU and the BRI: Problems and Prospects. A Roadmap for Aligning Eurasian Economic Integration and the Belt and Road Initiative. Policy Brief No. 29/2020. Moscow, Russian International Affairs Council, 2020. 15 p. Available at: https://russiancouncil.ru/papers/EAEU-BRI-PolicyBrief29.pdf (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
15. Babaev K. V., Danilov V. E., Kulintsev Yu. V. et al. Russian–Chinese Dialogue: The 2024 Model. Report No. 94/2024. Russian International Affairs Council, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Institute of International Studies of Fudan University. Moscow, RIAC Publ., 2024. 98 p. ISBN 978-5-6051642-2-7. Available at: https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2024-Report94.pdf (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
16. China–Russia Trade Volume Fell by 6.9 % in 2025. TASS news agency. Available at: https://tass.ru/ekonomika/26141131 (accessed 01.09.2026). (In Russ.)
17. Caruso A., Rühlig T. The Dependence Gap in Russia–China Relations. Paris, European Union Institute for Security Studies, 2025. Available at: https://www.iss.europa.eu/publications/analysis/dependence-gap-russia-china-relations (accessed 01.09.2026).
18. Kolodii R. Rogue Turned Woke? China–Russia Technology Allyship. Journal of Global Security Studies, 2026, vol. 11, iss. 1, art. ogaf036. DOI 10.1093/jogss/ogaf036.
19. Rogatnykh E. B., Zvezdnov P. D. China's Experience in Supporting the Development of High Industrial Technologies. Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal], 2024, no. 8, pp. 34–48. DOI 10.24412/2072-8042-2024-8-34-48.
20. Grant, P. Technological Sovereignty: Forgotten Factor in the “Hi-Tech” Razzamatazz / P. Grant // Prometheus. – 1983. – V ol. 1 (2). – P . 239–270. – DOI: https://doi.org/10.1080/08109028308628930